

В. С. Верпечинскис (Минск, МГЛУ)

ОККАЗИОНАЛИЗМЫ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ В АСПЕКТЕ ПЕРЕВОДА НА БЕЛОРУССКИЙ ЯЗЫК

В статье рассматриваются окказионализмы как продукты словотворчества немецкоязычных писателей и возможности их перевода на белорусский язык. В зависимости от объема потерь при переводе выделяются три способа передачи немецких авторских единиц. Выбор способа перевода осуществляется исходя из возможностей словообразовательной системы целевого языка. Максимальные потери при переводе наблюдаются при отсутствии средств в переводящем языке для передачи как фактической новизны исходной лексической новации, так и ее броскости, маркированности. Эмпирическим материалом для данного исследования послужили фрагменты из произведений немецкоязычной художественной прозы, опубликованных во временном интервале с 1983 по 2017 год.

В современной художественной литературе постоянно появляются новые имена. Для начинающего писателя часто с пронзительной остротой встает вопрос его «самости»: что отличит его от сотни тысяч других авторов? На первый план в таком случае выходит не только содержание, идейная сторона произведения, но и его форма, оболочка: как необычнее, ярче выразить свою мысль? Помочь в создании оригинальных образов могут, среди всего прочего, и *окказионализмы*.

Окказионализмы (в русскоязычной научной литературе их называют также «слова-однодневки», «слова-метеоры», «слова-экспромты» «эгологизмы» и т.д.) [1, с. 5; 2, с. 64; 3, с. 5] – новые слова, которые появились в результате словотворчества некоего конкретного автора с четкой прагматикой и зачастую лишь для определенного контекста. Такие номинации, как правило, не фикси-

руются словарями. Одной из главных функций слов-однодневок в художественной литературе, по мнению белорусского германиста Т. С. Глушак, является создание «наивысшей степени наглядности» [4, р. 77]. Таким образом, окказионализмы помогают читателю увидеть текст, а вместе с тем и феномены, отраженные в нем, глазами автора. Еще одна важная функция, которую могут выполнять авторские единицы, является стилистическая: конструкции *ad hoc* в таком случае наделяют образы, оболочкой для которых они служат, броскостью, неповторимостью, передают экспрессию, оценивают предмет или явление и, таким образом, обретают стилистическую окраску.

Окказионализмы при их передаче в силу самого определения данного типа единиц номинации ставят перед переводчиком непростую задачу: сможет ли автор текста перевода найти в целевом языке или придумать такое же яркое слово-метеор, какое было у писателя в исходном тексте? Отсутствие таких единиц в словарях открывает перед переводчиком широкий спектр возможностей для собственного творчества. Это, в свою очередь, предполагает использование разных способов перевода в зависимости от каждого конкретно взятого новообразования.

Принимая во внимание указанные выше функции авторских новаций на уровне слова, мы предлагаем рассмотреть следующие способы передачи окказионализмов:

1) создание окказионализма в языке перевода (обеспечивается передача семантики и стилистической окраски);

2) перевод авторской единицы через словосочетание с сохранением ее экспрессивности или компенсацией стилистической окраски в микро- или макроконтексте текста;

3) передача только лексического значения окказионализма.

Первый способ представляет собой идеальный случай перевода окказионализмов. Он позволяет избежать каких-либо потерь вообще (аналогичная семантика + стилистическая окраска (\approx броскость) + новизна слова). Такой способ удастся применить крайне редко ввиду очень частого отсутствия средств для «конструирования» нового и в той же мере необычного слова в тексте перевода, а также окказиональных пар в языке оригинала и перевода.

Приведем пример случая, когда удалось создать окказионализм при переводе художественной прозы с немецкого на белорусский язык.

*Und doch: Ich hatte mir die Einwohner Lissabons noch tragischer, noch erhabener in ihrem Schmerz vorgestellt, als wandelnde Fados – , es sah aber das meiste eher gewöhnlich aus, wie ich mir eingestehen mußte, dieselben Ampeln und Leuchtreklamen, dieselben Bilder mit denselben Slogans, nur auf portugiesisch. Und der portugiesische **Vorabendmensch** schien dieselben Sehnsüchte zu haben wie der Hotzenwälder, nur auf portugiesisch* [6, S. 24].

Немецкий окказионализм *Vorabendmensch* представляет собой двухлексемный субстантивный композит. На первый взгляд смысловое членение при определении лексического значения данной единицы необходимо произвести между существительными *Vorabend* и *Mensch*. В таком случае перевод на белорусский мог бы звучать как *чалавек-канун*. Однако при тщательном изучении контекста можно обратить внимание на географическую направленность данного слова: оно сравнивается со словом *der Hotzenwälder*, где *Hotzenwald* – название региона и ландшафта на юго-западе Германии.

В таком случае представляется разумным рассмотреть существительное *Abendmensch* в одном ряду с *Abendland* – обозначением для западного мира, Европы, тогда *Abendmensch* – это *европеец*. А приставка *vor-* в данном эгологизме указывает на географическое положение Португалии: она находится в самой западной ее части, «передней».

Обратимся к предлагаемому нами варианту перевода этого текстового фрагмента:

*I ўсё ж такі: я ўяўляў сабе жыхароў Лісабона яшчэ больш трагічнымі, яшчэ больш узвышанымі ў сваім болі, чым зменлівы фаду - , але большасць з усяго навокал выглядала хутчэй звычайна, як я мусіў сабе прызнацца, такія ж святлафоры і светлавыя рэкламы, такія ж карцінкі з такімі ж слоганамі, толькі на партугальскай. І партугальскі **прад'еўрапейскі чалавек**, здавалася, меў такую ж тугу, што і хотцэнвальдавец, толькі на-партугальску.*

Таким образом, в белорусском языке появляется окказиональное словосочетание *прад'еўрапейскі чалавек*. Приставка *прад-* здесь апеллирует к местоположению Португалии и несет в себе значение 'передняя часть чего-либо' (в данном слове – Европы). Эта морфема и становится краеугольным камнем данного словосочетания: наделяет его экспрессивностью, броскостью и окказиональностью.

Что касается второго способа перевода окказионализмов, а именно перевода лексических новообразований через словосочетание, но с сохранением стилистической окраски, то он характеризуется минимальными потерями. Словосочетания в переводящем языке остаются броскими, необычными, в том числе за счет семантической несогласованности их непосредственных составляющих (из исходного языка она при переводе «автоматически» переносится в язык перевода), хотя и без фактической новизны слов. Такой способ перевода удастся применить намного чаще, чем первый. Приведем следующий пример из произведения М. Наврата.

*Berti liegt im **Pazifik-Raum**, so blau ist das Licht, das durch die Plane im Fenster fällt. Berti liegt in seinem Bett, und das Bett schwimmt im Pazifikblau, das Wasserperlbilder an die Decke und an die Wände wirft* [7, S. 102].

Данный окказиональный композит образовался при нарушении семантической конгруэнтности [5, S. 117] его компонентов, поэтому без контекста представляется сложным проследить смысловые связи между ними. Однако это не означает, что при переводе необходимо произвести их экспликацию.

*Берці ляжыць у **ціхаакіяўскім пакой**: настолькі блакітнае святло ў ім, што падае праз навес над акном. Берці ляжыць у сваім ложку, і ложкак плыве ў блакіце Ціхага акіяна, які раскідвае малюнкi ад кропель-бісерынак вады на столь і сцены.*

Такой перевод мы считаем наиболее адекватным: в первую очередь, ввиду небольшой протяженности словосочетания в переводящем языке (*ціхаакіяўскі пакой* vs. *пакой колеру Ціхага акіяна*). Во-вторых, при возникновении трудностей при расшифровке этого словосочетания читатель может найти выход сам, обратившись к контексту; поэтому не следует еще раз прописывать и без того упомянутое ранее. В-третьих, именно такая передача окказионализма в белорусском языке помогает сохранить его первоначальную экспрессивность, которая возникает благодаря семантической несогласованности его непосредственных составляющих.

Иногда авторы художественных произведений создают целые группы окказионализмов с повторяющимися лексемами, и для наиболее адекватного перевода представляется целесообразным рассматривать их в совокупности и стараться переводить такие авторские единицы по единой модели. Обратимся к следующему примеру.

*In dieser Gegend hatte Wertheimer verrückt, ja am Ende wahnsinnig werden müssen, dachte ich und ich sagte mir, daß er immer genau der Untergeher gewesen ist, von welchem Glenn Gould immer gesprochen hat, ein typischer **Sackgassenmensch** ist Wertheimer gewesen, sagte ich mir, von der einen Sackgasse heraus ist er mit Sicherheit immer wieder in eine andere Sackgasse hineingegangen, <...> überhaupt haben solche Menschen immer nur die Wahl zwischen der einen Sackgasse und der andern, sagte ich mir, ohne jemals aus diesem **Sackgassenmechanismus** herauszukommen [8, S. 208–209].*

*Sie [diese Untergeher und diese Sackgassenmenschen] gehen rücksichtsloser gegen ihre Umwelt und gegen ihre Mitmenschen vor, sagte ich mir, als wir uns das zuerst vorstellen können und wenn wir auf ihren Antrieb gekommen sind, auf ihren ureigenen **Untergeher- und Sackgassenmenschenmechanismus**, ist es meistens schon zu spät, ihnen zu entkommen, sie ziehen einen, wo sie nur können, mit aller Gewalt hinunter, sagte ich mir, ihnen ist jedes Opfer recht, und handelt es sich um die eigene Schwester, dachte ich [8, S. 211].*

Немецкие окказионализмы *Sackgassenmensch*, *Sackgassenmechanismus*, *Sackgassenmenschenmechanismus* созданы с привлечением одного и того же компонента *Sackgasse*, а новообразование *Untergehermechanismus* становится в один ряд с ними благодаря общей лексеме *Mechanismus*. Контекст позволяет установить смысловые связи между непосредственными составляющими существительных, что помогает и при переводе указанных лексических новаций.

*У гэтай мясцовасці Вертхаймер мусіў паехаць з глузду, урэшце рэшт стаць вар'ятам, думаў я і казаў сабе, што ён заўсёды быў менавіта гіблым чалавекам, пра якога Глен Гульд заўжды казаў, тыповым **тупіковым чалавекам** быў Вертхаймер, казаў я сабе, з аднаго тупіка ён зноў і зноў ўпэўнена ўваходзіў у іншы тупік, <...> увозуле ў такіх людзей існуе толькі выбар паміж адным тупіком і іншым, не выходзячы як-кольвек з гэтага **тупіковага механізма**, казаў я сабе.*

*Яны [гэтыя гіблыя і гэтыя тупіковыя людзі] абыходзяцца са сваім наваколлем і сваімі блізкімі яшчэ больш бесцырымонна, казаў я сабе, чым мы гэта спачатку можам сабе ўявіць, і калі мы зразумелі іх стымул, іх спрадвечны **механізм гіблых і тупіковых людзей**, то найчасцей ужо надта позна, каб уцячы ад іх, яны цягнуць кожнага, дзе толькі могуць, з усёй сілай уніз, казаў я сабе, ім пасуе любая ахвяра, нават калі гаворка вядзецца пра ўласную сястру, думаў я.*

При выстраивании белорусского текста немецкие авторские единицы важно было переводить как единую словообразовательную цепочку и по единой модели, чтобы добиться наиболее адекватной передачи каждого из окказионализмов. Ибо если взять композит *Sackgassenmensch* в отдельности, без других членов цепочки, универбов с повторяющимся компонентом *Sackgasse*, то на белорусском мог бы появиться и *чалавек-тупік*, и *чалавек тупікоў*, и *тупіковы чалавек*. Каждый из этих вариантов можно считать правильным, у каждого из них есть свои преимущества. Однако, если мы обратим внимание на другие окказионализмы в данном фрагменте немецкого

текста, наилучшим представляется последний вариант (тогда перевод всех трех окказионализмов будет следующим: *тупіковы чалавек; тупіковы механізм; механізм тупіковых людзей*), так как словосочетание *механізм людзей тупікоў*, к примеру, объединяет три существительные, два из которых стоят в родительном падеже, что затрудняет понимание образа, который стремился создать автор, и поэтому в некоторой степени лишает его четкости и наглядности, на которую обычно претендуют окказионализмы.

Что касается стилистической окраски у словосочетаний *тупіковы чалавек, тупіковы механізм, механізм тупіковых людзей*, то здесь следует подчеркнуть, что она присутствует благодаря тому же прилагательному *тупіковы*, которое обычно употребляется с существительными типа *становішча, сітуацыя* в значении 'безвыходная', а здесь находится в окружении несвойственного для него контекста, ввиду чего наделяет все словосочетания броскостью.

Наиболее серьезные потери при переводе авторских единиц происходят в том случае, когда даже их броскость передать не получается, а в переводящий язык «переносится» только семантика исходного образа (третий способ перевода лексических новаций). Часто это имеет место при так называемой «лишь формальной необычности» окказионализмов в исходном тексте (многокомпонентные композиты, написанные через дефис). Невозможность передачи такой броской формы лишает словосочетания в переводящем языке первоначальной маркированности. Продемонстрируем данное утверждение на следующем примере.

*So etwa gab, oder drehte sich, in mir schon sehr früh das Gedankenspiel, eines von vielen, vielen, von meiner Mutter, überhaupt von zuhause, wegzugehen, am besten gleich morgen (und dazu, genauso häufig, das gerade entgegengesetzte, ewig zuhause, auf ewig bei der Mutter zu bleiben) – und sowie diese **Auf-und-Davon-Gehen-Phantasie** mir eines Tages entschlüpft war, ich sie aussprach, vor einem Freund? einer Freundin?: – Auf! Weg! – kein Zurück mehr möglich – und das mußte so sein [9, S. 30].*

Auf-und-Davon-Gehen-Phantasie – пятикомпонентный субстантивный окказионализм, образованный при помощи сдвига. Перевод такой синтаксически застывшей конструкции доставляет переводчику, который стремится креативно подходить к вопросу перевода окказионализмов, некоторые трудности.

*Напрыклад, была або круцілася ўва мне ўжо зусім рана гульня розуму, адна са многіх, многіх іншых, сысці ад маці, увозуле з дому, лети за ўсё адразу ж заўтра (і да таго ж, так жа часта, акурат процілеглая, вечна дома, назаўсёды застацца ў маці) – і як толькі гэтая **фантазія знікнення** аднойчы выслізнула, я вымавіла яе, перад сябрам? сяброўкай?: – Наперад! Прэч! – больш няма шляху назад – і гэта мусіла быць так.*

К сожалению, средства белорусского языка не позволяют нам подвергнуть универбации столь протяженную синтаксическую конструкцию. И вместе с отсутствием такой «массивной», внушительной структуры, интересным написанием окказионализма (дефисное написание + «гармония» прописных и строчных букв) теряется и стилистическая окраска словосочетания в белорусском языке. Необычная оболочка, которая обрамляла немецкое словосочетание, придавала ему броскость, не появилась в белорусском языке. Тем не менее специфику словообразовательной системы мы попытались преодолеть, отойдя от дословного перевода в направлении лексической замены на основе логического развития понятия.

В целом следует отметить, что для передачи авторских единиц на другом языке переводчику необходимо обладать такими качествами, как креативность, настойчивость и терпение. Третий способ перевода целесообразно применять только тогда, когда два других способа использовать не удалось. А наиболее адекватный перевод окказионализмов – это тот, который был сделан при минимальных потерях, возможных для каждого конкретного случая.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бабенко, Н. Г.* Окказиональное в художественном тексте. Структурно-семантический анализ : учеб. пособие / Н. Г. Бабенко; Калинингр. ун-т. – Калининград, 1997. – 84 с.
2. *Лопатин, В. В.* Рождение слова: неологизмы и окказиональные образования / В. В. Лопатин. – М. : Наука, 1973. – 152 с.
3. *Розен, Е. В.* Новые слова и устойчивые словосочетания в немецком языке : кн. для учителя / Е. В. Розен. – М. : Просвещение, 1991. – 189 с.
4. *Glušak, T. S.* Funktionalstilistik des Deutschen / T. S. Glušak. – Minsk : Wyschejschaja Schkola, 1981. – 173 S.
5. *Fleischer, W.* Stilistik der deutschen Gegenwartssprache / W. Fleischer, G. Michel. – 2., unveränderte Aufl. – Leipzig : Bibliographisches Institut, 1977. – 394 S.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

6. *Stadler, A.* Volubilis, oder, meine Reisen ans Ende der Welt : Erzählungen / A. Stadler. – Eggingen : Edition Isele, 1999. – 120 S.
7. *Nawrat, M.* Der Unternehmer : Roman / M. Nawrat. – 1. Aufl. – Reinbek bei Hamburg : Rowohlt, 2014. – 144 S.
8. *Bernhard, T.* Der Untergeher : Roman / T. Bernhard. – 4. Aufl. – Frankfurt a.M. : Suhrkamp, 1983. – 242 S.
9. *Handke, P.* Kali : Eine Vorwintergeschichte / P. Handke. – Frankfurt a.M. : Suhrkamp, 2007. – 162 S.

The article considers occasional words in German-language writers' literary works and possible ways of their translation into Belarusian. The choice of a translation method is determined by means of the word formation system of the target language.